

УДК 347.1

Некоторые аспекты осуществления права с учетом принципа разумности и добросовестности в отечественном и германском гражданском праве**Захаров Д.Е.**Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург)**Захарова О.Е.**Ассистент кафедры гражданского права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург)

В статье предпринята попытка проанализировать категории разумности и добросовестности в сравнительном анализе российского и германского гражданского законодательства. Авторами проанализированы основные позиции ученых-правоведов на сущность таких принципов как добросовестность и разумность в правовом поведении субъектов гражданских правоотношений, сделаны соответствующие выводы, касающиеся применения вышеуказанных принципов как в отношении российского, так и в отношении германского законодательства.

Ключевые слова: добрые нравы, добросовестность, разумность, справедливость, условие ответственности, противоправность, нарушение договора

Вопрос об определении правовой сущности категории «разумность» и «добросовестность» является достаточно сложным в гражданском праве. Рассматриваемые правовые категории служат оценкой поведения участников гражданских правоотношений.

Действия, совершаемые при осуществлении гражданских прав, должны быть разумными, т.е. осознанными, рациональными. Понятие «разумности» в отличие от понятия «добросовестности» связано не с моральными характеристиками личности, а в большей степени с ее интеллектуальной деятельностью, т.е. со способностью субъекта мыслить. Добросовестность не тождественна разумности – это два различных критерия оценки поведения лица при осуществлении им субъективных гражданских прав. Добросовестность по большей степени определяет субъективную сторону субъекта, тогда как категория разумности относится к объективной стороне. Разумность, как и добросовестность, не доказыва-

ется, и она служит предметом презумпции. Субъект гражданских правоотношений, ссылающийся на чью-то неразумность, должен доказать свое положение, т.е. привести доказательства в обоснование своих требований, а также о нелогичности, нецелесообразности поведения другой стороны.

В доктрине под категорией «разумность» предлагается понимать осмысленность, логичность и целесообразность поведения субъекта. Разумным можно считать поведение субъекта, если оно является результатом осмысления социально-экономической обстановки, в которой он находится, логически вытекает из нее и целесообразно для него [1, с. 531]. Представляется, что приведенное определение не раскрывает суть рассматриваемого понятия и сохраняет его оценочный характер.

С точки зрения О.А. Кузнецовой, «разумность» связана с пониманием субъектом правоотношений целесообразности своих действий, осознанием при-

чинно-следственных связей, со способностью видеть в своих действиях объективно полезную цель» [2, с. 157-158]. Исследователь Ю.В. Виниченко предлагает рассматривать категорию «разумность», как и «добросовестность», в объективном и субъективном смысле: «Критерием такого разграничения является место “разумности” в механизме реализации права. В объективном смысле она выступает в качестве “внешнего мерила”, т.е. принципа гражданского права, служащего масштабом оценки действий субъектов гражданских правоотношений. В субъективном смысле разумность относится к внутреннему механизму реализации права и понимается как познавательная способность человека, обуславливающая целесообразный характер его действий» [3, с. 60]. М.Ф. Лукьяненко, характеризуя разумность как «гражданско-правовой принцип», видит его значение в связи с применением судебного усмотрения, отмечая при этом, что, с одной стороны, данное начало «является внутренним пределом усмотрения правоприменителя при определении содержания оценочного понятия, с другой стороны, выступает в качестве масштаба судебного усмотрения при внешней оценке поведения участника гражданского правоотношения при реализации нормы с оценочным понятием» [4, с. 224]. Думается, что в каждом конкретном случае вопрос об определении разумности будет разрешаться индивидуально, такое разрешение будет зависеть от поведения субъекта в отдельно взятом гражданском правоотношении. Отсутствие четких критериев приводит к тому, что разрешение вопроса относительно добросовестности и разумности исключительно зависит от усмотрения суда и одно и то же поведение может получить разную правовую оценку.

Категории «добросовестность» и «разумность», несомненно, между собой взаимосвязаны, но в то же время получают разную правовую оценку. Если «добросовестность» является морально-нравственной категорией, которая составляет характеристику субъекта и его действий, то «разумность» можно определить как интеллектуальную, сознательно-волевую категорию, которая характеризует действия субъектов с точки зрения их адекватности.

Не вызывает сомнения и то обстоятельство, что разумность немыслима без учета справедливости. Российские дореволюционные цивилисты писали о том, что «действовать в соответствии с требованиями справедливости означало руководствоваться при толковании положений договора либо при разрешении спора в судебном порядке волей субъектов правоотношения» [5, с. 165; 6, с. 62, 88, 320; 7, с. 96-97]. Требование соблюдать справедливость означало необходимость учитывать специфику каждого конкретного дела.

Справедливость выступает одной из мер социальной оценки лица. Справедливость прямо называет-

ся принципом в Определении Верховного Суда РФ, где указано, что размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципа справедливости. При определении справедливости необходимо учитывать действительное волеизъявление субъектов [8]. Под справедливостью следует понимать «присущую в данное время данной общественной среде совокупность субъективных представлений о наиболее совершенном правовом порядке. Справедливостью начали обозначать вообще весь порядок, который считали выражением должного, независимо от того, коснулась или не коснулась его юридическая санкция» [9, с. 379]. Если действия уполномоченного лица затрагивают интересы других лиц, то это еще не означает, что такие действия направлены на нарушение их прав. Справедливость – это «некое совершенство», к которому должно стремиться каждое общество. Можно сказать, что «справедливость» выполняет функцию обеспечения баланса взаимных интересов участников гражданских правоотношений. Справедливость необходимо определять в морально-этическом значении, т.е. с позиции ценностей права. Для характеристики определения категории справедливости в гражданском праве предлагается использовать понятия соразмерности и эквивалентности. Соразмерность означает баланс, равновесие, согласованность между действиями участников гражданских правоотношений. Эквивалентность предлагается понимать как равенство субъективных прав и обязанностей [10, с. 3].

Соблюдение принципа добросовестности и разумности диктует запрет для субъекта гражданско-правовых отношений злоупотребления правом. Поскольку принцип недопустимости злоупотребления правом касается прежде всего процесса осуществления субъективных прав, он призван оказать определенное регулятивное воздействие на предстоящую деятельность субъекта, на те действия, которые он совершает или собирается совершить.

Принцип добросовестности в качестве общего принципа германского гражданского права нормативно был закреплен еще в начале XIX в. с принятием Гражданского уложения Германии (далее по тексту ГГУ). Добросовестность как основополагающее начало германской правовой системы преследует несколько целей: недопущение злоупотребления правом; использование господствующих в обществе ценностных установок в законодательном процессе и правоприменении; толкование содержания договора и его исполнение с учетом правдивости, честности и ответственности. В Германии добросовестность прежде всего имеет первостепенное значение для обязательственного права и при этом подчеркивается, что этим ее функциональность не исчерпывается и добросовестность затрагивает иные правовые сферы, выступая основополагаю-

щим методическим инструментарием разрешения юридических ситуаций [11, с. 13-14].

Сущность принципа добросовестности германский законодатель не раскрывает, что не лишает возможности выделить отдельные случаи его применения. К таковым относятся: запрет осуществления права с целью причинения вреда (§ 226 ГГУ); запрет противоречивого поведения сторон договора, умышленное и противоречащее добрым нравам причинение вреда влечет обязанность его возмещения (§ 826 ГГУ). Принцип добросовестности имеет важное значение для правоприменителя, и, как подчеркнул в решении Верховный суд Германии, «значение вышеприведенной формулировки закона принадлежит его цели и смыслу. В отдельных случаях судье следует принимать во внимание добросовестность с целью обоснованного и законного разрешения спора» [12].

Согласно положениям Гражданского уложения, договоры надлежит толковать добросовестно, принимая во внимание обычаи оборота, и должник обязан осуществлять исполнение добросовестно, как это требуют обычаи оборота (§§ 157, 242 ГГУ). Соответственно, германский законодатель определяет сферу действия принципа добросовестности в обязательственном праве, при установлении содержания договора и исполнении обязательства. Добросовестность приобретает важное значение при заключении сторонами договора, означающее для его сторон осуществление прав и исполнение обязанностей с учетом правовых благ и интересов другой стороны (п. 2 § 241 ГГУ). Требование добросовестности поведения участников обязательства увязано с пониманием договора как высшей формы доверия, нашедшее выражение в возникновении с лицом договорного отношения. При этом контрагенты ожидают друг от друга надлежащего исполнения, демонстрирующего, что стороны оправдали оказанное им доверие.

Зарубежные правоведы на основе добросовестности выделяют запрет на неожиданность поведения сторон (*das Überraschungsverbot*) и принцип транспарентности (*das Transparenzprinzip*), означающий недопустимость крайне невыгодного положения контрагента под страхом недействительности соответствующих положений договора (§ 307 ГГУ).

Примером недобросовестного поведения сторон является противоречивость должного и фактического поведения, когда кредитор отказывается от осуществления своих прав в течение длительного времени. При этом, как определил немецкий суд, «требование защиты со стороны должника должно превалировать над интересами кредитора, влекущее для последнего прекращение прав» [13]. По мнению Верховного суда ФРГ, юридическое осуществление может быть недопустимым как противоречащее добросовестности, если объективно наличествует

противоречивое поведение, поскольку предыдущее поведение фактически несовместимо с последующим и в таком случае интересы противной стороны обязательства требуют правовой защиты [14].

Принцип добросовестности в германском гражданском праве связан с теорией доверия, выступающей теоретической основой надлежащего исполнения договорных обязательств. Договор с позиции «теории доверия» (*Vertrauenslehre*) рассматривается как наивысшая степень доверия, облаченная в правовую форму заключенного между сторонами соглашения. Отсутствие надлежащего исполнения означает, что контрагент не оправдал доверия в обещании исполнить договор и наделить другую сторону всем тем, чего она ожидала получить вследствие надлежащего исполнения. При неправомерном поведении со стороны одного из участников договора оказанное доверие становится обманутым, что и следует рассматривать в качестве нарушения права [15, S. 289]. Лицу, нарушившему договор, ставится в вину то обстоятельство, что он дискредитировал оказанное ему доверие и не исполнил обещанного по договору, за что ему и належит отвечать перед другой стороной. Соответственно, в германском праве добросовестность имеет значение и для ответственности при нарушении обязательства.

С учетом вышеизложенного, следует заключить, что в германском гражданском праве принцип добросовестности:

- 1) значим при толковании и определении границ действия условий договора;
- 2) позволяет дополнить допущенные пробелы в содержании договора;
- 3) имеет значение при осуществлении договорных обязанностей;
- 4) с учетом добросовестности осуществляется преддоговорное взаимодействие сторон (преддоговорные отношения);
- 5) обеспечивает недопустимость злоупотреблением правом;
- 6) обуславливает необходимость надлежащего исполнения обязательства и ответственность за его отсутствие.

В праве России принцип добросовестности в настоящее время находится на «верхнем» этаже правового регулирования. Суды в обосновании своих решений все чаще ссылаются на вышеуказанный принцип для усиления своей правовой позиции, но необходимо отметить, что некая осторожность должна присутствовать, так как добросовестность является оценочной категорией в российском порядке и базируется на таких понятиях, как честность, исправность в правовом поведении субъектов гражданских правоотношений. Если разумность говорит об интеллектуальной (разумной) составляющей мыслительной деятельности субъекта, то добросовестность исходит из внутренних (нрав-

ственных, моральных) предпосылок. Таким образом, в наше время не существует единообразия как в судебной практике, так и в научной литературе, такие категории, как добросовестность и разумность являются, повторим же, оценочными и должны применяться в каждом конкретном случае, исходя из материалов дела, а также зависеть от поведения субъекта, вступающего в гражданские правоотношения.

Литература:

1. Ем В.С. Осуществление и защита гражданских прав // Гражданское право: учеб. / Под ред. Е.А. Суханова. – М.: Волтерс Клувер, 2004. Т. 1. – 785 с.
2. Кузнецова О.А. Презумпции в гражданском праве. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2004. – 349 с.
3. Виниченко Ю.В. Разумность в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2003. – 190 с.
4. Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. – М.: Статут, 2010. – 423 с.
5. Кривцов А.С. Абстрактные и материальные обязательства в римском и современном гражданском праве. – М.: Статут, 2003. – 314 с.
6. Синайский В.И. Русское гражданское право. – М.: Статут, 2002. – 638 с.
7. Чичерин Б.Н. Избранные произведения. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. – 553 с.
8. Определение Верховного Суда РФ от 29 июля 2008 г. № 21-В08-6.
9. Муромцев С.А. Избранное / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. – М.: Статут, 2015. – 446 с.
10. Бублик В.А. Эквивалентность прав и обязанностей как требование социальной справедливости // Вопросы теории юридических обязанностей. Тезисы II межвузовской научной конференции молодых ученых-юристов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1988. – С. 3-4.
11. Eckl K. Treu und Glauben im spanischen Vertragsrecht. – Tübingen: Mohr Siebeck Verlag, 2007. – 340 S.
12. Решение Верховного Суда Германии BGHZ 2, 184.
13. Решение Верховного суда Германии BGH v. 11.12.2014, Az.: 8 AZR 838/13.
14. Решение Верховного суда Германии BGH 07.05.2014 – IV ZR 76/11 и BGH 15.11.2012 – IX ZR 103/11.
15. Unberath H. Die Vertragsverletzung. – Tübingen: Mohr Siebeck Verlag, 2007. – 413 S.

Some Aspects of the Exercise of Law, Taking into Account the Principle of Reasonableness and Good Faith in Domestic and German Civil Law

Zakharov D.E., Zakharova O.E.
Ural State Law University (Yekaterinburg)

The article attempts to analyze the categories of reasonableness and conscientiousness in a comparative analysis of Russian and German civil legislation. The authors analyzed the main positions of legal scholars on the essence of such principles as conscientiousness and reasonableness in the legal behavior of subjects of civil legal relations, and drew the appropriate conclusions regarding the application of the above principles both in relation to Russian and German legislation.

Key words: good morals, conscientiousness, reasonableness, justice, condition of responsibility, illegality, breach of contract

